

Лариса Захарова

Соотношение финского и русского факторов в процессе национального строительства в Карелии в первые послевоенные десятилетия: циклы коренизации и особенности коммуникации и репрезентации¹

После окончания Зимней войны 1939–1940 гг. количество республик Советского Союза увеличилось до 16 за счет превращения КАССР в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику. Повышение статуса аргументировалось увеличением ее размеров и численности населения в результате аннексирования территорий Финляндии². В действительности большинство финских жителей, за исключением 2000 человек, спаслись бегством вглубь Финляндии с этих присоединенных территорий³. Но официально этнические пропорции населения республики считаются измененными, в связи с чем встает задача определения национального профиля Карелии по примеру и в сравнении с другими республиками Советского Союза. Вступление СССР во Вторую мировую войну временно откладывает поиск практического решения этого вопроса. И только после войны руководители Карелии решают заняться проблемой определения национального профиля их республики. Реконструкция хозяйства является бесспорным приоритетом, и нехватка рабочих рук компенсируется за счет массовых кампаний переселения жителей России, Белоруссии и Украины в Карелию⁴. Но вместе с тем с конца 1940-х до

---

¹ Исследование было выполнено в рамках проекта Жюльет Кадио по языковой политике в России и СССР, финансируемого Национальным Агентством Исследований Франции (contrat post-doctoral CNRS – ANR). Спешу выразить глубочайшую признательность Грегори Дюфо за теоретические ориентации и советы, а также Ольге Илюха за библиографические рекомендации, ценные вопросы и уточнения.

² *Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена, И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 228.

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 590.

⁴ В соответствии с распоряжением СМ СССР от 18 мая 1949 г. № 7371р, председатель СМ РСФСР Б. Черноусов отдал распоряжение № 1177-р от 4 июня 1949 г., которое требовало «Переселить в 1949 г. на добровольных началах в КФССР 2200 семей колхозников и другого сельского и городского населения для работы на предприятиях Министерства лесной и бумажной промышленности СССР и в колхозах КФССР, в том числе из Воронежской области 500 семей, Владимирской – 200, Горьковской – 300, Московской – 300, Башкирской АССР – 150 и дополнительно к количеству семей, переселяющихся согласно постановлению СМ СССР от 11 февраля 1949 г. № 589 из Курской области – 300 семей, Рязанской – 150 и Чувашской АССР – 300 семей. Дать людям скот» (ГАРФ, ф. А 259 «СМ РСФСР», оп. 6, д. 5681, л. 70).

апреля 1950 г. в республику перемещают 21–22 тыс. финнов-ингерманландцев¹, и местные власти возобновляют политику коренизации, утверждая, что процесс реконструкции хозяйства должен опираться в первую очередь на национальные кадры². Таким образом две первоочередные задачи сводятся к одной – определить национальный профиль Карелии, язык и культуру, обучить и продвинуть представителей титульной национальной группы на ключевые посты во всех областях хозяйства, вверив им задачу его восстановления, создать пространство для коммуникации внутри этой группы посредством изданий на национальном языке и, наконец, найти формы репрезентации этой группы художественными средствами.

Изложив последовательно попытки введения каждого из указанных компонентов «воображаемого сообщества»³, предлагаемое исследование ставит своей целью выявление специфики процессов национального строительства в послевоенной Карелии, тенденции мимезиса и гибридности⁴ (то есть процессов подражания, смешения и заимствования элементов финской и русской культуры, соотношения финского и русского факторов) при изобретении и насаждении «высокой культуры»⁵ и распространении национального языка через печать и систему образования. В центре внимания окажутся следующие вопросы: какие меры принимались для социального продвижения представителей титульных национальных групп; подразумевало ли понятие «национальные кадры» владение национальным языком; какие этапы национального строительства в Карелии можно выделить в указанный период?

Выбор составляющих национального профиля Карелии после войны определялся двумя важными факторами – наследием национальной политики довоенных лет и отношениями с соседней

Всего предусматривалось переселение в республику 40 тыс. семей колхозников из Белорусской и Украинской ССР, Мордовской, Татарской и Чувашской АССР, Вологодской, Калининской, Кировской, Пензенской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей (История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 592; *Вихавайнен Т.* Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920–1950-е годы и судьба карельской и финской национальностей // В семье единой... С. 36).

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 672; *Суни Л.* Ингерманландские финны // В семье единой... С. 80.

² В 1945 г. Нарком Просвещения КФССР И. С. Беляев говорил заместителю Председателя СНК КФССР В. В. Стефанинину о «громадной потребности подготовки национальных кадров для нужд народного хозяйства и культуры республики» (Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1192, оп. 2, д. 493, л. 1).

³ *Anderson B.* L'imaginaire national. Réflexions sur l'origine et l'essor du nationalisme. Paris, 2002.

⁴ *Bhabha Homi K.* Les lieux de la culture. Une théorie post-coloniale. Paris, 2007. P. 147–157.

⁵ *Gellner E.* Nations et nationalisme. Paris, 1983. P. 78.

Финляндией. Послевоенная волна коренизации опирается на три кита: национальную группу, кадры и образование. Финноязычная литература и пресса были призваны укоренить в сознании людей на повседневном уровне «воображаемое сообщество» и его ценности, популяризируемые системой образования. И, наконец, театр, благодаря визуальным средствам, позволяет инсценировать национальную специфику. Даже партийные власти осознавали опасность постановки подобного требования перед Мельпоменой.

1. Финнизация или карелизация?

В соответствии с ленинскими принципами национальной политики каждая нация в составе советского государственного образования имела право на самоопределение. В большинстве случаев на практике этим «определением» занимались местные руководители и элиты. Советская формула нации, выведенная Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос» (общность территории, языка, культуры), перенимала некоторые элементы предшествующих общеизвестных теорий, в частности, идею Гердера о необходимости общего языка для создания нации. В случае с Карелией (поскольку письменности на карельском языке не существовало) создание национального языка должно было сводиться к нормализации и официализации одного или нескольких диалектов, выбранных за их доминирующее положение с точки зрения социальных и экономических критериев¹. Таких крупных диалектов на территории Карелии было три: ливвиковский, людиковский и собственно-карельский. Появление на политической сцене Карелии финских коммунистов-иммигрантов обусловило возникновение особой интерпретации карельского языкового разнообразия: карельские диалекты были объявлены местными вариантами финского языка, что послужило предлогом для возведения последнего в ранг национального. Кремлевским иерархам не хотелось вдаваться в подробности и докапываться до истины в момент, когда перспектива мировой революции тревожила их умы.

Так работа по национальному строительству в Карелии была возложена на плечи представителей иностранного государства. Видение Карелии как пьемонта для экспорта революции способствовало утверждению национальной специфики и решению проблемы дискриминации в масштабе СССР. Официальная ориентация на развитие

---

¹ *Thiesse A.-M.* La création des identités nationales, Europe, XVIII-e–XX-e siècles. Point Histoire. Paris, 1999.

национальной специфики каждого административно-территориального образования Советской России была истолкована финскими иммигрантами как их право на цивилизаторскую миссию в Карелии, под прикрытием заявлений о единстве происхождения карельского и финского народов. На первоначальном этапе работа по национальному строительству в Карелии проводилась с минимумом затрат, сводясь в основном к экспорту финского языка и попыткам его внедрения в систему образования и в администрации. Подобное упрощенное видение национального строительства было возможно благодаря притязаниям советских руководителей на включение Финляндии в их зону влияния. Традиционная эволюционистская схема поглощения менее развитого народа и языка более развитым сменила в данном контексте одну составляющую: место русского народа занял финский, который затем в свою очередь должен был испытать на себе советский эксперимент. Очевидный двуступенчатый имперский характер этой политики камуфлировался противопоставлением прямой русификации¹. Мимезис и введение финского компонента стали основополагающими чертами национального строительства в Карелии. При этом этнический состав населения имел явно второстепенное значение (табл.).

Тем не менее, по постановлению ЦИК КАССР от 9 августа 1924 г., разговорный карельский язык также получил официальный статус: он должен был использоваться во всех устных формах деятельности образовательных учреждений, в работе госаппарата. В качестве литературных языков предлагалось использовать русский и финский языки, и официально провозглашалась свобода выбора населением

---

¹ Э. Гюллинга активно поддержал секретарь Севзапбюро ЦК РКП (б) Б. Позерн. В основе его теоретических выкладок лежали решения VIII съезда партии по национальному вопросу. В дискуссии на съезде Ленин настаивал на сохранении в партийной программе лозунга «Право наций на самоопределение», доказывая, что он важен для отпора великорусскому шовинизму, а также для пропаганды мировой революции на Западе. Решительно отвергнув обвинения в насильственной финнизации, Позерн указал русским оппонентам красных финнов, что именно они, проводя русификаторскую политику, разжигают национализм. Он подчеркивал: чтобы автономия не была просто вывеской, в ней необходимо обеспечить наибольшие гарантии тем народам, которые прежде не были равноправными, причем особое значение он придавал тому, что самим фактом своего успешного развития Карельская Трудовая Коммуна послужит примером для рабочего движения Финляндии: «Угнетаемые рабочие массы Финляндии знают, что рядом с ними есть область, где свободно живут их братья финны, имеют свои учреждения, организации, школы и т. п., свои руководящие органы, во главе которых стоят опять-таки сами финны, работа которых во всех отношениях процветает. Это побуждает их добиваться того же, то есть побуждает их на борьбу со своими угнетателями — со своей буржуазией» (см.: История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 451—452).

одного из них¹. Этим постановлением закреплялась иерархия между языками через разграничение сфер и способов их использования. Финский литературный язык, как более развитый и совершенный, призван был вытеснить и заменить множество диалектов и способствовать консолидации национальной группы, став средством общего инструмента коммуникаций.

Национальный состав населения Карельской АССР
(по переписи, в % к итогу)

	На 28.01.1897	На 17.12.1926	На 17.01.1939	На 15.01.1959
Русские	53	56,2	63,2	63,4
Карелы	42,3	38,2	23,2	13,1
Финны	0,9	1,0	1,8	4,3
Вепсы	3,4	3,3	2,0	1,1
Белорусы			0,9	11
Украинцы			4,5	3,6
Другие национальности	0,4	1,3	4,4	3,5

Примечание. Источник: Карельская АССР за 50 лет. Статистический сборник. ЦСУ РСФСР. Стат. управление КАССР. Петрозаводск, 1967. С. 10. По переписям 1897 и 1926 гг. белорусы и украинцы включены в «другие национальности».

В противоречие постулату о самоопределении наций, карелы подверглись финнизации жесткими административными методами, не оставлявшими им право голоса: в постановлении Карельского ОК ВКП (б) об «Очередных задачах национальной политики в АКССР», изданном в августе 1929 г., закреплялся отказ от принципа свободы выбора русского или финского языков для карел. Во всех районах с преобладанием карельского населения началось ускоренное введение финского языка в школах, пунктах ликбеза, использование его в деятельности просветительных учреждений, советских и партийных органов. Так карельская «несхожесть» форматировалась по образцу и средствами финской «высокой» культуры.

Однако со второй половины 1930-х гг., когда мечты о мировой революции отходят на задний план и уступают место атмосфере обвинений в местном буржуазном национализме, престиж финского языка и его центральное место в профиле КАССР сводятся на нет. Все финское руководство заменяется новыми ставленниками. В 1935 г. стали исключаться из состава студентов и преподавателей приехавшие из-за

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 452; Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992. С. 9.

границы финны. Кампания «по очищению от враждебных, националистических и не внушающих доверия элементов» набирала силу. В первой половине 1930-х гг. преподавание в Карельском государственном педагогическом институте велось на двух языках — русском и финском. Затем началось «изгнание финнизма»¹. В ситуации растущего политического размежевания в Европе, связанного с возвышением национал-социализма, знание финского языка жителями Карелии стало рассматриваться как риск потенциальной восприимчивости к «западной» пропаганде. Необходимо было найти альтернативу финскому языку, не нарушив при этом идею национальной специфики. Так финнизация уступила место карелизации, благодаря созданию карельского письменного языка Дмитрием Бубрихом². В 1936 г. карельский язык получил статус третьего официального языка республики. Но уже в сентябре 1937 г. Политбюро постановляет заменить в школах финский язык карельским. В 1938 г. использование финского языка было окончательно запрещено. Мобилизация ученых на национальную стройку соответствовала смене концепций изобретения национального сообщества: имперская модель была вытеснена постимперской. Однако новая парадигма оказалась недолговечной: карельский язык не стал фундаментом новой «высокой» культуры.

2. Послевоенная волна коренизации

После войны проблема языковой основы «национального строительства» в Карелии снова стала актуальной. Карельский литературный язык страдал незавершенностью: не хватало терминологии, было много грамматических расхождений и затруднений. Включение финского компонента в название республики символизировало реабилитацию финского языка. К тому же геополитические планы Советского Союза вновь опирались на идею расширения его влияния в мире. Карелии вернули имидж пьемонта, для которого финский язык был необходимой составляющей. Миметические тенденции снова заняли центральное место в национальном строительстве Карелии. Финский язык призван был стать средством профессионального и социального продвижения местных кадров, усвоивших идеалы национальной культуры через систему образования. Карело-Финская республика, как все другие республики СССР, стремилась укоренить развитый литературный язык среди населения.

---

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 561.

² *Austin Paul M. Soviet Karelian: The Language That Failed // Slavic Review. 51. N 1 (Spring 1992). P. 16–35.*

Национальная политика Карелии отличается удивительной циклическостью. Послевоенные и «оттепельные» годы воспроизводят механизмы коренизации 1920-х – начала 1930-х гг. с поразительной точностью. Сталинские репрессии представляются временной ломкой изначально избранных механизмов изобретения советских национальных групп. До войны усилия по созданию национальной интеллигенции проявлялись в привилегиях, предоставляемых карелам и финнам при поступлении в вузы: «В начале 1930-х годов СНК КАССР установил специальные квоты: представители карельской, финской, вепсской национальностей должны были составлять не менее 50–60 % общего числа принимаемых на учебу. Фактически студентов финно-угорских национальностей было более 40 % общей численности студентов в учебных заведениях Карелии, 30 % – вне Карелии. Прежде всего на националов ориентировались подготовительные курсы и отделения. В 1930-е годы 50–68 % рабфаковцев в Карелии являлись карелами, финнами, вепсами. При приеме карельской и вепсской молодежи в техникумы несколько понижались требования к уровню образовательной подготовки абитуриентов»¹.

Эта тенденция продвижения националов находит продолжение после войны. Так, в 1945–1946 гг. были открыты подготовительные отделения для поступающих в вузы карел, финнов, вепсов. Политическая практика этого периода опирается на традиции 1930-х гг., когда стало нормой привлекать к учебе работающую молодежь из числа карельского, вепсского и финского населения. В то же время использование старых испытанных методов эксплицитно указывало на неудачи в школьном образовании националов: после войны выпускников нерусских школ Карелии принимали в вузы других республик вне конкурса, так как они плохо сдавали вступительные экзамены. В 1944–1956 гг. республике было предоставлено около 650 мест по внеконкурсному приему, из них подавляющее большинство приходилось на медицинские специальности вузов Москвы, Ленинграда, Ярославля, а остальная часть – на технические вузы. Однако планы набора учащихся по внеконкурсному приему систематически не выполнялись, многие студенты не заканчивали учебу².

В отличие от 1920-х гг., коренизация послевоенных лет инициировалась местными руководителями. Дополнительные места «выбивались» с помощью личных ходатайств. Так, секретарь Карельского обкома партии Л. И. Лубенников обратился к ЦК 29 марта 1958 г. с

---

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 559.

² Там же. С. 742.

просьбой увеличить количество выделенных карельским националам мест в вузах РСФСР, мотивируя это следующим образом: «В Карельской АССР, с нашей точки зрения, сложилось ненормальное положение, когда в ведущих отраслях народного хозяйства работает крайне незначительное количество специалистов с высшим образованием из местного населения, в том числе карел, финнов и вепсов. Из 816 медицинских работников, имеющих высшее образование, имеется только 3 врача карела. Незначителен процент карел, финнов и вепсов в составе учителей. Такое положение объясняется неудовлетворительной постановкой среднего образования (недостаточной сетью средних школ), кроме того, до последнего времени не обращалось должного внимания подготовке кадров из местного населения. Потребность в специалистах с высшим образованием в Карелии в основном удовлетворялась за счет выпускников, направляемых из центральных вузов страны. Но направляемые специалисты по истечении некоторого времени стремятся выехать из республики, поэтому ежегодно наблюдается большая текучесть кадров. В целях создания устойчивых кадров, Карельский обком КПСС просит дать указание Министерству высшего образования о внеконкурсном приеме ежегодно в течение 5 лет по 250 чел. из местного населения Карелии в следующие вузы страны...»¹.

Коренизация была нужна для преодоления перемещения и постоянного обновления кадров, затрудняющих задачи модернизации республики. Советологи утверждали, что частая смена и передвижение кадров из республики в республику были стратегиями хрущевской экономической и миграционной политики, преследующими русификаторские цели². Однако положительный ответ секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова на просьбу Л. И. Лубенникова, поддержанного заведующим сектором вузов отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР А. Маховым, позволяет усомниться в этом утверждении. Карельская АССР получила 70 дополнительных внеконкурсных мест к 50 уже выделенным на 1958/1959 учебный год³.

Признание в неспособности республики обучить кадры собственными силами свидетельствует о слабости или полном отсутствии официальной национальной «высокой» культуры. Университетские чистки довоенного сталинизма объясняют это положение вещей. Но в таком случае специалисты, получившие образование за пределами республики, не могли служить векторами распространения национальной куль-

---

¹ НА РК, ф. 3, оп. 9, д. 57, л. 1–2.

² *Nahaylo B., Svoboda V.* Après l'Union soviétique. Les peuples de l'espace post-soviétique. Paris, 1994. P. 141.

³ РГАНИ, ф. 5, оп. 37, д. 33, л. 45.

туры в Карелии. Получившие образование в чужом национальном контексте, они были носителями универсалистских советских ценностей. Что же в таком случае скрывалось за понятием «национальные кадры»? Означал ли этот термин простую этническую принадлежность? Было ли знание языка символическим маркером националов? Как эти люди приближались к официальной национальной культуре?

Первое послевоенное десятилетие отмечается явными усилиями со стороны республиканских властей вооружить национальные кадры знанием финского языка. Расчет на финноязычные кадры не был совершенно утопичным. Считалось, что молодежь, учившаяся в национальных школах до войны и в годы финской оккупации, могла теперь вступить в активную профессиональную жизнь. Следовало обеспечить ей возможность получения высококвалифицированного профессионального образования. В то же время дети, возвращавшиеся в Карелию из эвакуации, продолжали обучение на русском языке. Но планы руководителей были далеко идущими. В начале 1945 г. нарком просвещения И. С. Беляев предлагал решить проблему образования финноязычных национальных кадров путем введения финского языка как самостоятельной дисциплины с четвертого класса начальных, неполных средних и средних школ, для классов с национальным составом учащихся, обучающихся на русском языке. Признавая, что в национальных школах преподавание должно вестись на финском языке с первого по десятый класс, он предлагал сделать исключение: «...в ближайшие два-три года, из-за отсутствия национальных кадров, преподавание отдельных дисциплин в 8–10 классах национальных школ проводить на русском языке»¹.

На подготовительных курсах и национальных отделениях при средних и высших учебных заведениях, «готовящих кадры для нужд народного хозяйства и культурного строительства республики», преподавание должно было проходить на финском. Национальный язык как обязательный предмет включался в программу всех факультетов и курсов государственного университета и учительского института. В 1945–1946 учебном году планировалось открытие при учительском институте отделения финского языка и литературы для националов, обучающихся на других отделениях. Предполагалось также «форсировать» подготовку национальных кадров для высших учебных заведений на основе аспирантуры при государственном университете, отводя для националов не менее 50 % мест².

---

¹ НА РК, ф. 1192, оп. 2, д. 493, л. 1–2.

² Там же, л. 2.

Однако, по сравнению с первым постреволюционным десятилетием, в послевоенной Карелии не осталось прослойки культурной финноязычной элиты, уничтоженной в ходе репрессий второй половины 1930-х гг. Таким образом, следовало найти новых агентов продвижения финского литературного языка и контроля над соблюдением его норм. Именно в отсутствии необходимого количества специалистов и заключался провал послевоенной волны коренизации посредством финнизации. Учителей, способных преподавать финский язык и на финском языке, не хватало катастрофически. Некоторые области РСФСР, например Челябинская, Свердловская, Ярославская и частично Архангельская и Вологодская, несмотря на приказ Наркома Просвещения РСФСР В. П. Потемкина не отпускали карельских учителей, прибывших к ним в результате эвакуации¹. В условиях послевоенной разрухи не было возможности обеспечить национальные школы учебниками. Подготовка педагогических кадров для нерусских школ требовала времени, но была в конечном счете задачей меньшей сложности, чем создание условий для среднего и высшего профессионального образования на финском языке из-за нехватки профессоров.

Несмотря на то, что усилия властей были сосредоточены на улучшении работы нерусских школ, ситуация на этом фронте в начале 1950-х гг. оставалась катастрофической. Наркомат Просвещения признавал, что «успеваемость в этих школах остается очень низкой, и качество знаний учащихся плохое. Уровень работы нерусских школ остается низким даже там, где руководителями школ работают опытные люди и школы неплохо укомплектованы учительскими кадрами. Успеваемость учащихся нерусских школ по итогам весенних экзаменов за 1952/1953 учебный год составила 72,4 %. Учащиеся русских классов, в том числе карелы и финны, значительно грамотнее, чем учащиеся нерусских школ. В нерусских школах из 526 учителей 204 человек не имеют соответствующего образования»².

Слабость учителей в нерусских школах Карелии объяснялась отсутствием средств для подготовки предметников, кроме учителей финского языка. После войны из десятых классов нерусских школ в 1952 г. был первый выпуск в количестве 21 человека, и в 1953 г. было выпущено 30, а в 1954 – 27 человек³. Поступив в университет и пед-

---

¹ НА РК, ф. 1192, оп. 2, д. 493, л. 74.

² НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 480, л. 1, 5. Таким образом, успеваемость в школах с финским языком обучения упала по сравнению с 1949/1950 учебным годом, когда она достигала 80 %. См.: *Вавулинская Л. И.* Национальная школа в Карелии 1940–1960-х годов // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 272.

³ НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 480, л. 5.

институт, эти дети столкнулись с отсутствием преподавания на финском языке¹. В такой ситуации учащиеся, окончившие нерусские семилетние школы на финском языке, могли продолжать образование только в школьном и дошкольном педучилищах. А учащиеся, окончившие десять классов нерусских школ, могли получить образование на финском языке в университете и пединституте только на отделении финского языка. Таким образом, «продвижение» финноязычных националов замыкалось на систему нерусских школ, что явно не соответствовало амбициям руководителей.

Сеть нерусских школ в республике сокращалась из года в год, что неминуемо сопровождалось уменьшением в них количества учащихся. Так, в 1950 г. в нерусских школах учились 9,1 % детей республики, в 1954 – 6,8 %. Школы и классы были чрезвычайно маленькими: в 1953/1954 учебном году в 34 школах насчитывалось по 3–10 детей и в 20 школах – по 11–20 учащихся. В 330 начальных классах было от 1 до 5 человек. Если средняя наполняемость в первых–четвертых классах республики равнялась 21 человеку, то в нерусских классах было в среднем по 5 человек².

К нехватке педагогических кадров как причине уменьшения сети национальных школ добавлялись отказы родителей карел, финнов и вепсов отдавать своих детей в учебные заведения, которые сокращали возможности профессионального развития³. При данной перспективе национальная культура теряла значение символического капитала в глазах карельской интеллигенции. 18 февраля 1958 г. инструктор отдела школ и вузов Карельского обкома КПСС В. Доля констатировал это несоответствующее устремлениям властей положение: «Касаясь изучения финского языка в школах района, надо сказать, что дети интеллигенции не все изучают финский язык. Например, из 20 членов РК КПСС и депутатов райсовета (карелов и финнов по национальности), у которых имеются дети школьного возраста, финский язык изучают только дети 8 человек. Не изучают финский язык и дети 12 учителей (карелов и финнов по национальности)»⁴.

---

¹ Вавулинская Л. И. Национальная школа в Карелии во второй половине XX века: исторический опыт и проблемы развития // Региональная и национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности. Материалы междунар. конф. Кемерово, 2003. С. 183.

² НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 480, л. 3.

³ Л. И. Вавулинская приводит примеры саботажа нерусских школ учениками и родителями: Вавулинская Л. И. Общеобразовательная школа и вопросы языковой политики в Карелии во второй половине 1940-х – в 1950-е годы // Вопросы истории Европейского Севера. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 169–170.

⁴ НА РК, ф. 3, оп. 9, д. 98, л. 52.

Такие решения принимались подчас родителями, пережившими психологическую травму военного противостояния, по политическим соображениям. Карел, будущий дипломат, Стуйгуев Владимир, родившийся в 1936 г. в селе Паданы Медвежьегорского района, проведя военное детство «среди сибиряков» и вернувшись из эвакуации в 1944 г., пошел в первый класс финской школы, не понимая ни одного слова по-фински. Его отец, придя домой с фронта, считал, что «сын участника двух войн с Финляндией, к тому же инвалида войны, не должен изучать язык этой страны»¹.

Обучение на финском языке стало, таким образом, препятствием для коренизации и модернизации в республике. Неспособность обеспечить профессиональное обучение националов на финском языке мешало продвижению представителей титульной национальной группы на ключевые посты. Пытаясь сделать язык символическим маркером национальной идентичности, руководители республики тем самым ограничили карьерные возможности карел, поскольку обязательным условием для поступления в вузы Москвы, Ленинграда или Архангельска являлось знание русского языка.

В этой связи 1954 г. стал переломным, так как, не отказываясь от целей коренизации, республиканские власти решили исправить положение. 12 августа 1954 г., после проведения Министерством просвещения ряда инспекций в национальных школах и констатации удручающих результатов обучения детей на финском языке, Совет Министров КФССР принял постановление о переходе на русский язык преподавания². Таким образом, появляются заведения-гибриды: нерусские школы, где все предметы преподавались на русском языке. Они сохраняли свое название благодаря сохранявшимся в них до 1958 г. урокам финского языка, а также благодаря национальной принадлежности детей, для которых они предназначались. Эти заведения превратились в своего рода анклав-наборники национального контингента, которому пророчилось великое будущее. С 1954 г. начинается период русскоязычной коренизации. После принятия этого постановления карельские студенты, обучающиеся в других республиках, не имели никаких оснований заявлять себя носителями особой национальной культуры. Благодаря нивелирующей роли образовательной системы, они возвращались в республику носителями универалистских советских ценностей и ориенти-

---

¹ Карельское землячество в Москве. Москва, Институт предпринимательства и ин-вестиций, 2002. С. 285–287.

² НА РК, ф. 1192, оп. 3, л. 583, л. 60.

ров. Финский язык перестал быть символическим маркером национальной принадлежности. Социальное продвижение местных кадров не обозначалось больше никаким видимым национальным знаком.

Это постановление подтвердило имперский характер процессов национального строительства в Карелии: «высокая культура» на финноязычной основе должна была быть переведена на русский язык. Аргументы для объяснения такого решения кажутся заимствованными из идеологии великорусского шовинизма: «Это законное и прогрессивное стремление карел и финнов основательно изучать русский язык и как следует приобщаться к культуре великого русского народа имеет очень глубокую основу. Основой стремления карельского и финского народа нашей республики быть ближе к передовой в мире культуре русского народа, изучать русский язык как можно лучше является вековая общность карело-финского народа с великим русским народом, их совместная борьба против иноземных захватчиков с давних времен вплоть до недавнего прошлого, исключительно большая помощь русского народа, которую он всегда оказывал и сейчас оказывает народу нашей республики в деле строительства коммунизма. В этом стремлении быть ближе к русской культуре сказывается крепкая дружба нашего народа с великим русским народом. Благодаря ленинско-сталинской национальной политике Коммунистической партии и Советского правительства дружба народов в нашей стране постоянно укрепляется и впредь мы должны ее всемирно укреплять. Финский язык в республике не имеет достаточного практического применения потому, что и местное население не употребляет финский язык, поэтому этот язык не прививается и не развивается. Например, у нас нет на финском языке новой, единой терминологии по основам наук. При переводе школьных учебников на финский язык, каждый переводчик выдумывает свою терминологию, поэтому качество учебников очень низкое. Учитывая, что многие учителя, ведущие преподавание на финском языке, слабо владеют этим языком, от преподавания в школе предметов на финском языке по существу нет пользы в смысле овладения финским языком, как предметом»¹.

Из-за незавершенности процессов финноязычного мимезиса и резкого перехода на новую языковую основу послевоенная политика коренизации в Карелии с треском провалилась и не смогла достигнуть количественных результатов продвижения националов 1920-х гг., когда доля карел, финнов, вепсов достигала от 46 до

---

¹ НА РК, ф. 1192, оп. 3, л. 480, л. 3–4.

76 % среди выдвиженцев. В середине 1930-х гг. карелы, финны, вепсы составляли 44–47 % работников советского аппарата. В органах ГПУ Карелии в это же время 33,8 % служащих составляли националы: 26,2 % – в центральном аппарате и 48 % – в районном. В 1933 г. удельный вес рабочих-националов составлял почти 22 %. Особенно много их было на предприятиях бумажной, лесозаготовительной, деревообрабатывающей промышленности. В начале 1948 г. в номенклатуру ЦК КП(б) республики входило 1335 должностей в госаппарате и общественных организациях, а в номенклатуру горкомов и райкомов партии – 7150 должностей, из них карелы, финны и вепсы занимали соответственно 25 и 30 % должностей. В национальных районах республики карелы, финны и вепсы составляли 68 % среди руководящих работников¹. В 1954 г. только 14 % руководителей партийных организаций были представителями титульных наций. Их количество в СМ КФССР приравнивалось к 20 %, в ЦК комсомола и министерствах республики – к 13 %, а в руководящем составе республиканских управлений и ведомств – всего 6 %².

Эти показатели даже в сопоставлении с низким процентом националов в общем срезе населения республики (19 %) позволяют заключить, что националы остались на периферии культурной жизни и так и не смогли стать воплощением успешной социальной мобильности. Всесоюзные переписи населения 1959 и 1970 гг. показали, что по доле лиц с высшим образованием среди коренных национальностей 11 автономных республик РСФСР карелы занимали одно из последних мест. Вытеснение родного языка на периферию общественной жизни стимулировало тенденцию к сокращению его использования и на семейно-бытовом уровне. Об этом свидетельствовали данные о росте численности и удельного веса карел, финнов, вепсов, у которых родной язык и национальная принадлежность не совпадали. Если в 1959 г. называли язык своей национальности в качестве родного языка 80,9 % карел, 74,2 % финнов и 38,6 % вепсов, то в 1970 г. – соответственно 71,7, 61,1 и 31,9 %³.

Если язык не стал структурирующим элементом карельской нации после войны, можно ли проследить другие попытки консолидации нации на основе «высокой» национальной культуры, которая наделяется нормализующей функцией?

---

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 494, 670.

² РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 30, л. 75–79.

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 740.

3. Средства коммуникации для укоренения национальной культуры

С момента образования республики в Карелии пресса и художественная литература на финском языке стремились подтолкнуть карел к осознанию их национальной и языковой специфики, создав пространство для общения и позволяя вообразить многочисленность финноговорящего сообщества. На прессу и литературу возлагалась роль повышения статуса финского языка как медиума коммуникаций.

Первые постановления советской власти в этой области (июнь 1925 г.) делали акцент на поддержке национальной литературы в постимперском духе. Появившаяся в 1926 г. Карельская ассоциация пролетарских писателей была призвана воплотить авангард национальной культуры, активно распространяя свои идеи на страницах журнала «Пунакантеле», выходявшего с 1928 по 1932 г. на финском языке¹. Это печатное издание отражало процесс появления национальной финноязычной интеллигенции, в которой связь поколений должна была гарантировать преемственность «высшего» знания о нормах национальной культуры. Идея продвижения национальных кадров на высшие посты остается незыблемой для области литературы, где они служат эмблемой национальной специфики Карелии. Так, председателем Карельского отделения Союза писателей на протяжении всего советского периода назначали представителя «коренной» национальности².

«Национальное присутствие» должно было чувствоваться и в издательствах. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. карелы составляли около половины рабселькоров финноязычной и четверть рабселькоров русскоязычной республиканских газет³. В 1959 г. среди работников финноязычного издательства «Кирья» свыше 80 % сотрудников составляли «представители коренной национальности и коренных жителей Карелии»⁴. Но подобные уступки принципу национального соответствия вредили качеству редакционной работы. Так, в конце 1959 г., учеба «по совершенствованию редакторами финского языка» не была организована, «хотя многие из них в этом очень нуждались»⁵.

---

¹ Колосенок С., Моносов И. Культура Советской Карелии. Петрозаводск, 1967. С. 85–86.

² Карельское землячество в Москве. С. 24.

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 493.

⁴ НА РК, ф. 3, оп. 10, д. 113, л. 7.

⁵ НА РК, ф. 3, оп. 10, д. 113, л. 8.

До 1957 г. в Карелии издавалась республиканская газета «Ленинская правда», форматом «Правды», печатавшаяся одновременно на русском и финском языках¹. В 1957 г. она выходила с периодичностью 6 раз в неделю и тиражом в 60 тыс. экземпляров, в том числе 5 тыс. экземпляров на финском языке. Такое количественное неравенство подчеркивает символический характер финноязычного издания, которое являлось простым переводом русского образца. Секретарь Карельского обкома КПСС Лубенников, радевший за реальное, а не формальное решение национальных вопросов, обратился в Бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой реформировать издание прессы на финском языке. Утверждая, что «дублирование русского текста на финский язык недостаточно удовлетворяет запросы финского населения республики» и что «переводной экземпляр газеты на финском языке по существу никто не читает», он предложил удовлетворить желание «отдельных представителей финского населения, особенно из числа интеллигенции», организовать издание самостоятельной республиканской газеты на финском языке². Однако либерализм этого предложения едва ли можно назвать радикальным, так как новая газета получила название «Советская Карелия». Периодичность нового издания была реже предыдущей — два раза в неделю, а неизменная цифра тиража (5 тыс.) казалась строго вымеренной количественной потребностью читающих по-фински жителей Карелии. Интерес нововведения мотивировался бюджетными сокращениями: «Образование указанной газеты позволит сократить государственную дотацию на издание газеты на финском языке на 300 тысяч рублей в год, а также уменьшить число редакционных работников, занятых на издании русской и финской газет, в сравнении с ныне существующим штатом редакции „Ленинской Правды“ на 16 человек»³.

Однако ЦК КПСС, разрешив появление нового печатного органа, решило сохранить издание финского варианта «Ленинской правды». Этой переменной Лубенников пытался усилить коммуникативную связь между членами национального сообщества, которое теряло интерес к предназначенным ему информативным ресурсам. Причины подобной апатии были связаны со многими факторами. Но кроме проблемы национальной идентификации через язык, большое значение имело литературное качество газеты. По оценке писателя А. Н. Тимонена, персонал редакций не обладал достаточным уровнем лингвистической квалификации: «Газета „Советская Карелия“

---

¹ Колосенок С., Моисов И. Указ. соч. С. 74.

² НА РК, ф. 3, оп. 8, д. 49, л. 34.

³ Там же, л. 34.

(Неувосто Карьяла) сравнительно молодая, но в ней работает ряд квалифицированных и опытных газетных работников, такие как Кондратьев Ф. Т., Лайтинен И. И., Ранта К. И., Пакканен И. П. и Пертту Т. Э. Основная работа редакции и *держится* на этих товарищах. Большой опыт работы имеет также тов. Тайпале В. М., но ему мешает низкий общеобразовательный уровень и плохое знание русского языка для самостоятельной учебы. Молодые газетчики гг. Сунделин А. Э. и Машин В. Т., имеющие высшее образование, пока не владеют финским языком и у них еще нет опыта газетной работы. В Петрозаводске газета имеет 244 корреспондента, в Олонецком районе 52, районе Калевалы 34, Кондопожском р-не 31, Пряжинском 42, Медвежьегорском 10, в других р-нах меньше. Специального отдела писем нет, переписку с корреспондентами и с организациями ведет секретарь редакции т. Ранта К. И. Он также добивается действенности писем и устранения недостатков, о которых сигнализируют корреспонденты. Особое значение для работников газеты „СК“ имеет изучение финского языка, но такой учебы не организовано. Справедливы упреки в том, что в газете часто встречаются неграмотные обороты, неряшливости стиля, влияние русского синтаксиса и т. д., но кстати сказать, в этих упреках, особенно идущих из Финляндии, иногда есть предвзятость и излишняя придиричивость»¹.

Таким образом, догоняющий характер построения национальной культуры на основе процессов мимезиса сказывался на характере печатных средств коммуникации.

Практическая работа по форматированию национальной культуры Карелии возлагается на плечи лингвистов-переводчиков. Фольклоризация национальной культуры изначально касалась содержания: карельский эпос считается ее квинтэссенцией. Процессы мимезиса и гибридности затрагивают языковую форму изложения этого эпоса. Карельские народные сказания перерабатываются и излагаются в соответствии с нормами финского литературного языка. Но этот фольклор идеализируется и представляется утопией, которая должна отражать первобытную мудрость и счастливое состояние карельского народа. Кроме того, отсутствие советскости в содержании текстов влечет за собой риск сопоставления фольклоризации с буржуазно-националистским уклоном. Во избежание этого риска тексты советских писателей, переведенные с русского на финский язык, постепенно вытесняют карельский фольклор. Из протокола учебно-методического Совета Министерства просвещения КФССР, 1950 г.: «Хаттунен С. С.

---

¹ НА РК, ф. 3, оп. 10, д. 113, л. 37–39.

Хрестоматия должна обеспечить учащимся коммунистическое воспитание в духе советской национальной гордости, но рукопись не соответствует этим требованиям. Большая часть текстов пессимистичны, показывают тяжелое положение финского народа. Эти произведения не соответствуют воспитательным задачам советской школы, а поэтому их следует снять и заменить советскими современными произведениями. Не имеют воспитательной ценности и сказки. Часть пословиц устарела. Не соответствует нашей действительности. В заданиях неуместные увязки с современностью. Песни также устарели. Хотелось бы дать детям жизнерадостных содержательных песен»¹.

Языковой мимезис сопровождается процессами гибридизации при форматировании национальной культуры: определением «правильных» пропорций и дозировок текстов русского, советского, финско-коммунистического и карельско-фольклорного содержания. Но соблюдение этих идеальных пропорций оказывается задачей, непосильной для малочисленного штата переводчиков: они не успевают перевести с русского на финский массу произведений советских писателей. В результате начальник управления школ Министерства просвещения КФСР Талонпойка объявляет: «Из-за отсутствия переводов на финский язык ряда произведений русских классиков, Министерство просвещения КФСР предлагает во втором полугодии 1953–54 учебного года в 8-х классах литературу на финском языке не преподавать. Эти произведения должны быть изучены на русском языке на уроках русской литературы. Один час в неделю, предусмотренный учебным планом на изучение карело-финской литературы, рекомендуется использовать на развитие речи и письмо сочинений на финском языке»².

Таким образом, русификация и советизация корпуса литературы влекла за собой исчезновение даже внешних, языковых проявлений национальной культуры. Продолжающаяся издаваться масса печатных изданий на финском языке не имеет никакой реальной культурной ценности для жителей Карелии. В соответствии с негласным консенсусом, власти не ждут от населения прочтения выпущенных в свет на финском языке 40 томов сочинений В. И. Ленина или двух томов «Капитала» К. Маркса³. Эти издания носят афишированный пропагандистский характер и предназначаются для отправки в соседнюю

---

¹ НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 205а, л. 36–37.

² НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 410а «Программы для нерусских школ. 1951 г.», л. 43.

³ Колосенок С., Моносов И. Указ. соч. С. 76; НА РК, ф. 3, оп. 8, д. 26 «Приложение к протоколу № 35, п. 4 заседания бюро обкома КПСС – гранки перевода на финский язык 16 тома собрания сочинений В. И. Ленина, 31 октября 1957 г.». 251 л.

буржуазную Финляндию. С теми же целями Карельским книжным издательством печатаются в 1945–1957 годах 923 названия произведений советских авторов на финском языке¹. С 1945 по 1959 г. было выпущено на финском языке 1067 названий книг, тиражом 3674 тысяч экземпляров. Директор Госиздата КАССР И. Осипов с гордостью отчитывался о том, что «финский читатель получил многие отдельные произведения классиков марксизма-ленинизма, материалы XX и XXI съездов КПСС, учебник Политэкономии, серию брошюр по философии в помощь партийному просвещению, двухтомник воспоминаний о Ленине. Готовится выпуск учебников основ марксизма-ленинизма, Основ марксистской философии. Вышла из печати книга „Жить в мире и дружбе“, о поездке Хрущева в США. Издается также художественная и детская литература»².

С января 1961 г. издание книг на финском языке перешло к специально созданной финской редакции издательства «Прогресс». Планы этого издательства поражали грандиозностью, а их осуществление требовало огромных затрат.

По содержанию художественная литература, предназначенная на экспорт, отвечает требованиям эпохи и выступлению Хрущева на XX съезде КПСС «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Карельские писатели старательно подчеркивают роль народных масс как творцов истории, чем вызывают одобрение заведующего отделом пропаганды и агитации Карельского обкома КПСС Л. Колмовского³. Книгообмен через В/О «Международная книга» и Торгпредства СССР в Финляндии проходит через строгую процедуру контроля в Карельском обкоме партии, функционеры которого чувствуют себя экспертами не карельской национальной, а советской культуры в ее экспортируемом выражении. Так, секретарь обкома В. Смирнов дает рекомендации в ответ на письмо финляндского почитателя советской литературы:

«Общедоступную библиотеку по философии, о которой говорится в письме товарища В. Песси, обком партии считает целесообразным

---

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 755.

² НА РК, ф. 3, оп. 11, д. 142 «Программа и состав делегации Компартии Финляндии в Карелию, справка изд-ва КАССР об издании книг на финском языке на экспорт за 1945–59 гг., переписка об издании монографии И. И. Сюкияйнена „Революция 1918 г. в Финляндии. 7 июня 1960 – 1 января 1961 г.“», л. 19.

³ НА РК, ф. 3, оп. 9, д. 58 «Справка обкома о состоянии литературы в Карелии, переписка с ЦК КПСС, министерствами и ведомствами СССР по вопросам подготовки декады литературы и искусства Карелии в Москве, издания политической литературы на финском языке, завершении строительства телецентра и др. 21 марта – 30 декабря 1958 г.», л. 2–3.

несколько разнообразить по тематике и увеличить количество брошюр до 12 названий. Госиздату Карельской АССР дано указание начать немедленно работу над этими брошюрами. Издательство имеет возможность перевести и издать к концу года следующие шесть брошюр:

1. Богуславский „В чем состоит основной вопрос философии“
2. Друянов „Материя и формы ее существования“
3. Платонов „Всеобщая связь и развитие в природе и обществе“
4. Шершенко „Борьба материализма и идеализма в наши дни“
5. Каммари „Что такое базис и надстройка“
6. Глезерман „Общественное бытие и общественное сознание“

Учитывая просьбу тов. Песси о высылке им ряда брошюр, которые могли бы быть рекомендованы для перевода в Финляндии, обком партии считает целесообразным рекомендовать следующие брошюры:

1. Фурман „Что такое материалистическая диалектика“
2. Тугаринов „Законы природы и общества“
3. Молодцов „Что такое возможность и действительность“
4. Цамерян „Что такое исторический материализм“
5. Глезерман „Способ производства и его роль в развитии общества“
6. Фишер „Как человек познает и преобразует мир“»¹.

Низкая популярность финноязычных изданий наводит на мысль о том, что радио- и телепередачи на финском языке также должны были носить чисто символический или пропагандистский характер. 5 часов 25 минут в неделю (46 минут в день)² радиовещания на финском языке гарантировало минимум звукового присутствия финской речи в публичном пространстве Карелии в 1959 г. Позволяет ли все вышесказанное сделать вывод об атрофированной функции финского языка в Карелии и национальной культуре этой поры? Несколько размышлений о роли финноязычного театра в республике предостерегут от поспешных выводов.

4. Театральные репрезентации национальной культуры Карелии

По словам Анн-Мари Тьес, изобретение/конструирование наций сопровождается интенсивным развитием литературных и художественных жанров с новыми эстетическими формами репрезентации. В послевоенной Карелии, в контексте очередного этапа «изобретения нации», театр получает особенно важное значение.

---

¹ НА РК, ф. 3, оп. 9, д. 58, л. 8–9.

² НА РК, ф. 3, оп. 10, д. 112, л. 4–5.

Как и в случае с литературой, открытие в Петрозаводске в 1932 г. театра на финском языке соответствовало установкам партийных лидеров на расцвет национальных культур. Этот факт позволил некоторым историкам утверждать, что «финская культура, до начала 1920-х годов не имевшая никакой базы в Карелии, в начале 1930-х гг. приобрела широкое влияние»¹. В чем заключалось это широкое влияние? Не имеем ли мы дело с выдачей желаемого руководителями за действительное?

Набор труппы происходил по принципу выявления скрытых талантов в народе: работники искусств отправились на их поиски в карельские деревни, где якобы ключом была художественная самодеятельность. Всех жаждающих отправили учиться в Ленинградскую художественную студию, где было организовано карельское отделение. Подкованная на самодеятельности и академически натасканная молодежь вошла в актерский состав Государственного финского драматического театра. Первым официальным успехом театра, отмеченным в «Правде», стала постановка комедии народного поэта и драматурга Карелии Я. Виртанена «Мальбрук в поход собрался», музыку к которой написали композиторы Л. Йоусинен и К. Раутио². Финская культура таким образом оказывается финской только по языковой и этнической принадлежности авторов пьесы и актеров. Национальная культура, инсценируемая на подмостках этого театра, несла зрителю в гибридной форме советскую идейную направленность.

По всей видимости, актеры решили не терять связь со средой происхождения: зимой 1936 г. труппа совершила лыжное турне по глухим деревням и лесным поселкам с программой, в которую входили чеховские водевили, пьесы о лесорубах и колхозниках, музыкальные номера, народные пляски³. Так «высокая» национальная культура Карелии предстала перед глазами местных забытых крестьян – в виде симбиоза русской классики, карельского фольклора и советского реализма, в строго выдержанных пропорциях.

В послевоенные годы к этому культурному калейдоскопу добавились постановки пьес финляндской классической и современной драматургии: «Бабье лето» и «Мудрая дева» М. Лассила, «Четвертый позвонок» М. Ларни, «Мы господ» Хярмя⁴. Однако оригинальных пьес на финском языке было недостаточно, чтобы заполнить и периодически обновлять репертуар театра. Как и в случае с литерату-

---

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 494.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 107.

⁴ Колосенок С., Моносов И. Указ. соч. С. 105–148.

рой, в 1957 г. финский театр перерабатывает переводные пьесы советских авторов и русскую классику: «Финским драматическим театром поставлены пьесы „Васса Железнова“ Горького, „Любовь Яровая“ Тренева, „Сын рыбака“ Лациса, „Персональное дело“ Штейна. Впервые на советской сцене театр осуществил постановку пьес „Люди с Дангора“ Нексе и „Женщины Нискавуори“ Вуолийоки. Музыкально-драматическим театром поставлены „Кремлевские куранты“ и „Сонет Петрарки“ Погодина, „Разлом“ Лаврениева, „Золотая карета“ Леонова, „Деньги“ Сафронова, „Последняя жертва“ Островского, „Испанцы“ Лермонтова. В репертуаре этого театра имеются музыкальные спектакли — „Вольный ветер“ и „Белая акация“ Дунаевского, „Свадьба в Малиновке“ Александрова, оперетты „Нищий студент“ Миллекера, „Фиалка Монмартра“ Кальмана, „Летучая мышь“ Штрауса»¹.

Приверженность финскому языку в 1957 г., после решения о русификации системы образования в Карелии, кажется пережитком и неадаптированностью театра к новым языковым практикам времени. По всей вероятности, языковое выражение национальной культуры театральными средствами оставалось последним форпостом высокой, пусть и гибридной, национальной культуры Карелии. Потеря этого инструмента национальной дистрикции символизировала смерть «воображаемого сообщества». Тем не менее публика финского театра не состояла исключительно из носителей исчезающего из публичной сферы финского языка. Система синхронного перевода, впервые введенная в этом театре в масштабе СССР, помогала новым русскоязычным зрителям приобщаться к образчикам национальной культуры². Если издание советской литературы на финском языке подчинялось целям международной пропаганды, пьесы на финском позволяли сохранить минимум видимости национальной специфики Карелии, выставляемой на общесоюзное обозрение в рамках декад Карелии в Москве³.

Связанная с внешнеполитическими факторами ориентация на финскую языковую основу при воссоздании/обновлении национальной культуры Карелии в первое послевоенное десятилетие заводит в тупик новую волну коренизации, ограничивая образовательные и карьерные возможности представителей титульных наций. Отсутствие финноязычной культурной элиты сводит на нет попытку финнизировать систему образования и приводит к некоторому культурному

---

¹ НА РК, ф. 3, оп. 8, л. 49, л. 41–42.

² *Кирвесмиес II*. Карелия глазами финских друзей. Петрозаводск, 1962. С. 68.

³ НА РК, ф. 3, оп. 8, л. 49.

вакууму. Когда попытки создания национальной финноязычной культуры оканчиваются провалом, понятие национальных кадров лишается своей языковой основы, категория «национальность» отрывается от родного языка и оказывается увязанной исключительно с происхождением. При этом миссианство русского народа оправдывает потерю языкового компонента в карельской национальной культуре. Русификация на втором этапе коренизации представляется как результат эволюционистского процесса поглощения менее развитого народа более развитым. Властные структуры поощряют подражательные тенденции карел в отношении русского языка и культуры. Финноязычная пресса не обладает достаточной цементирующей силой, чтобы сплотить «воображаемое сообщество» и служить его коммуникативным инструментом. Выхолощенная национальная культура, рискующая потерять последние признаки отличия на общесоюзном уровне, зиждется на элементах фольклора и переводных постановках советских авторов. В этой ситуации оживление туристических контактов с Финляндией в годы «Оттепели» влечет за собой меньше риска подпадания жителей Карелии под влияние чуждой им идеологии. Вряд ли эта «дружественная» политика была рассчитана на реальное общение на одном и том же языке. После принятия решения о русификации, убедившись в слабом уровне владения финским языком местного населения, карельские руководители организуют в 1957 г. в Петрозаводске фестиваль финляндских фильмов, которые посетило более 30 тыс. человек¹. За 1960 год карельские кинотеатры показали 12 финских фильмов...²

---

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 754.

² *Кирвесмес П.* Указ. соч. С. 71.